

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА МАЛОРОССИЙСКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX СТОЛЕТИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Александровский Иван Сергеевич
Соискатель, ФГАОУ МГИМО МИД России
kutruslin2001@mail.ru

CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE MALOROSSIAN («LITTLE RUSSIAN») TERRITORY IN THE XIX CENTURY: EDUCATIONAL ASPECT

I. Aleksandrovsky

Summary. The article considers one of the most important aspects of the cultural policy of the Russian Empire in the 19th century, which is the educational one. The author confines himself only to the «Little Russian» (Ukrainian) territories, which demonstrates how consistent and effective the state policy was with respect to the emerging Ukrainian national identity and a separate cultural space.

Keywords: cultural policy, Ukrainian culture, education, university.

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших аспектов культурной политики Российской империи в XIX веке — образовательный. Автор ограничивается только малороссийскими (украинскими) территориями, что продемонстрировать, насколько последовательной и эффективной была политика государства в отношении зарождавшихся украинских национального самосознания и обособленного культурного пространства.

Ключевые слова: культурная политика, украинская культура, образование, университет.

Переход европейских государств к индустриальной эпохе обусловил необходимость повышения образовательного и квалификационного уровня населения: новым производствам нужны были работники нового типа. Данный переход происходил постепенно, так что последствия его были заметны далеко не сразу. Одним из таких последствий было серьезное расширение сферы ведения государств — их включение в сферу культуры в качестве регулирующей и нередко принуждающей силы. Нельзя утверждать, что никакого государственного вмешательства до индустриальной эпохи не было: правители были крупнейшими заказчиками предметов искусства, военные и фортификационные соображения нередко диктовали внутреннее устройство городов и регионов. Однако иным стал масштаб этого вмешательства: государства вплотную подошли к тому, чтобы реализовывать не эпизодическую, а системную политику, формировать и распространять смыслы, представления и культурные паттерны [3].

Наиболее последовательно эти перемены отразились на образовательной среде: государства стали поощрять открытие высших, средних и начальных заведений. В полиэтнических или многосоставных государствах дополнительный стимул культурно-образовательным усилиям властей придавали не задачи экономической модернизации, а стремление сформировать свое видение культурного пространства. Это стремление было обусловлено наличием нескольких конкурирующих

проектов структурирования культурных пространства, множества локальных и региональных исторических, лингвистических и экономических особенностей, которым через культурные практики можно было придать политическое содержание — требование автономии, независимости, ирредентистские требования.

Одно из самых острых противостояний в сфере культурного упорядочивания развернулось в малороссийских (юго-западных) губерниях Российской империи в XIX столетии. Эти территории ранее входили в состав Речи Посполитой, затем были часть автономной Гетманщины, а некоторые губернии еще на короткое время были захвачены Османской империей. Пересечение различных исторических традиций обусловило активность польского культурной деятельности, которая развивалась в духе романтизма — представления о необходимости государства для каждого народа. На этом фоне зарождалась и украинская (малороссийская) культурная деятельность, отражавшая повседневную практику и лингвистическую специфику сельского населения Малороссии.

Российская империя в XIX столетии пыталась сформулировать консолидирующие смыслы, образ прошлого и настоящего «для массового употребления». Важнейшим элементом культурной политики как последовательной совокупности распространения этих смыслов и образов была и до сих пор остается образовательная

политика [1; 5]. На малороссийских землях России удалось достигнуть немалого успеха, прежде всего, в сфере высшего образования.

В 1805 году был открыт университет в Харькове, профессура которого сделала немало попыток, с одной стороны, сблизить общероссийский культурный контекст с локальным малороссийским, а, с другой стороны, попыталась опираться на местную специфику, формировать более нюансированные смыслы — в вопросах истории, литературной нормы, этнографии. Затем для борьбы с польским влиянием в 1834 году был открыт Киевский университет имени св. Владимира, а в 1865 году на базе Ришельевского лицея возник Новороссийский (ныне — Одесский) университет. Численность студентов в данных университетах не превышала 4 тысяч человек, что в условиях активного освоения степной зоны и модернизации производств было недостаточным. Поэтому во второй половине XIX века количество высших учебных заведений на малороссийских территориях многократно выросло. Потребности экономической модернизации обусловили появление Киевского политехнического института (1898), Южнорусского института в Харькове (1865), Высшего горного училища в Екатеринославе. На начало XX века на малороссийских землях имелось 27 высших учебных заведений, в которых обучалось 35 тысяч студентов [13, с. 65].

В анализируемую эпоху не было четкого разделения на среднее и начальное образование, более того, эта ступень образования долгое время находилась в ведении различных ведомств. По указу императора Александра I крестьянские дети допускались к обучению в городских и приходских школах в свободное время (то есть после сельскохозяйственных работ). Николай I в 1842 году повелел учредить начальные школы в каждом селе, однако это оказалось достаточно затратно и маловероятно с точки зрения преподавательских кадров, поэтому власти стали исходить из необходимости иметь начальную школу в каждой волости. В целом, успехи были невелики: например, на 1842 год в Киевской губернии насчитывалось только 225 церковно-приходских школ с 2006 учащимися, а также 6 приходских училищ, 1 уездное училище, 3 писарские школы с несколькими сотнями учащихся [14, с. 242–250].

В 1864 году прошла школьная реформа, в результате которой все начальные школы были формально подчинены Министерству просвещения — хотя ранее такие школы находились часто также в ведении Священного Синода, министерств государственных имуществ, путей сообщения. В то же время, доступ к среднему образованию — гимназиям и реальным училищам — стал постепенно ограничиваться. Более того, по мере сокращения государственных расходов на образование его стоимость все более перекладывалась на плечи родителей,

что ограничивало доступ к образованию в условиях непростого материального положения крестьян. Помимо платы за обучение (хотя образование декларировалось как бесплатное), сельские общины обеспечивали за свой счет дрова для школ, ремонт, оплату услуг сторожа. В частности, плата за обучение гмирянской, пригравской, комаровской школах Полтавской губернии составляла от 1 до 3 рублей в год, в школах сел Натальино и Студеники этой же губернии со всех работоспособных членов общины на содержание школы ежегодно собирали 10–15 копеек. Украинские исследователи подчеркивают, что такое состояние дел ставило в невыгодное положение, прежде всего, украинцев, которые составляли подавляющее большинство населения в сельской местности [11, с. 19–25]¹. К началу XX столетия на малороссийских землях было 129 гимназий, 19 реальных и 17 коммерческих училищ [13, с. 65].

Рост сети образовательных учреждений был связан с активным освоением степной зоны и формирование индустриального комплекса на юге России. Это сопровождалось быстрыми темпами урбанизации внутренней миграции — из центральных губерний России, сельской местности малороссийских губерний. Во второй половине XIX века крупнейшим городом на территории современной Украины стала Одесса — центр экспорта зерна (далее по численности населения — Киев, Харьков, Екатеринослав, Николаев). За несколько десятилетий пустынные степи стали осваиваться крестьянами, были опоясаны сетью железных дорог [7, с. 254–258]. Из-за активной внутренней миграции происходило смешение различных региональных и этнических культур (так называемых «внутренних диаспор») [4], которое нуждалось в общероссийской культуре — в качестве посредника между различными культурными практиками.

Российское правительство открыто преследовало цель сближения различных культур, формирование общего пространства смыслов и исторических образов на основе русской культуры. Однако наличие цели не означало последовательность в образовательной политике. По мнению Н. В. Пушкаревой и Д. В. Руднева — «говорить об осознанной языковой политике в отношении малороссийских земель можно с большими оговорками, поскольку и для правительственного аппарата, и для российского (отчасти для украинского) общества долгое время было характерно неразличение великорусов, малорусов и белорусов, которые воспринимались как единый русский народ, состоящий из трех племен» [9, с. 87].

Тем не менее, с точки зрения властей малороссы (украинцы) были частью единого (триединого) русского

¹ К концу XIX века только в одном крупном городе — Полтаве — украинцы составляли большинство населения.

народа, история которого уходит корнями в восточнославянское единство и общую древнюю государственность. Поэтому стремление украинофилов развивать локальные традиции и формировать корпус локальной истории рассматривалось как проявление сепаратизма и измены («мазепинство»). В этой связи развитие украинского культурного пространства ввиделось властям нежелательным сценарием. По этому поводу главноуправляющий III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал от кавалерии А. Ф. Орлов в 1847 году писал: мысли «о восстановлении их родины могут повести малороссию, а за ними и других подвластных России народов к желанию существовать самобытно» [12, с. 309].

Позднее к сдержанному отношению добавилось откровенно критическое: считалось, что украинофилы «выдумывали» язык и культуру (что в определенном смысле соответствовало действительности). Иными словами, упорядочивание и становление украинского языка и культуры воспринималось как авантюрная затея — либо бессмысленная (а потому ненужная), либо вредная (например, в интересах соседней Австро-Венгрии). Известный публицист В. В. Розанов так характеризовал положение дел: «хохломаны выдумали сейчас такой, якобы малорусский язык, что я, природный малоросс, не могу и 10 строчек прочесть малороссийской газеты «Рада», чтобы «ихний» новый язык не послать к дьяволу. Ничего не могу разобрать, о чем газета толкует. Словом, «украинский» нынешний язык для истинных малороссов непонятен: это не язык Тараса Григорьевича Шевченко [...], который ясен, понятен и простому мужику, и интеллигенту, а такой, какого еще никогда не было на свете» [10, с. 283]. Такой консервативный подход к реализации этнокультурной политики, на первый взгляд, можно считать репрессивным и непрактичным, однако, на самом деле, это была относительно конкурентная борьба национально-культурных проектов [2; 6]: власть использовала преимущества официального языка, государственной системы образования — и цензурируемой прессы.

Таким образом, со второй половины XIX в. в Российской империи действительно усилились и тенденции по русификации национальных окраин, которые, разумеется, затронули и территорию Украины: «введение в сферу культурной жизни библиотек, книжных магазинов, типографий в городах Правобережной Украины, как и повсюду в Российской империи, предполагало формирование на государственном уровне русского

культурного пространства, что делало нежелательным привлечение элементов как польской, украинской, так и еврейской культуры, несмотря на неоднородный национальный состав городского населения» [8, с. 104].

В то же время, преподавание в заведениях высшего, среднего и начального образования велось не только на русском языке — а нередко, еще и на немецком, польском. В отношении малороссийского населения это в любом случае было определенным нарушением правил педагогики, согласно которым преподавать нужно на наиболее понятном языке и двигаться, тем самым, от простого к сложному. Однако многоязычие в образовательной среде и большая локальная специфика в вопросах качества преподавания, финансирования образования — обусловила неравномерность и незавершенность русификации, которая была одной из (возможно, подсознательных) целей российской культурной политики на малороссийских территориях.

Наконец, активное развитие образования как элемент культурной политики сдерживалось, помимо материальных фактов, особенностями расселения украинцев: в XIX веке они проживали в двух империях — Российской и Австро-Венгерской. По аналогии с «общающимися сосудами», при некоторых репрессиях и активизации русификаторских усилий в России, украинская культурная деятельность имела возможность возобновиться на австро-венгерских землях. Именно это и произошло в форме «народовского» движения в Галиции [7, с. 248–251].

В целом, культурная и образовательная политики Российской империи на малороссийских землях в обозначенный период носили прогрессивный характер, поскольку учитывали необходимость экономического развития страны и потребность в формировании общероссийского культурного контекста. Более того, это соответствовало европейской практике и тенденциям глобального культурного развития: иными словами, малороссийские губернии выводились на новый уровень развития. В то же время, недостаточно учитывалась локальная специфика в силу особенностей представлений власти и общества о Малороссии, ее истории и этнополитической принадлежности, что привело, скорее, к нарастанию напряженности, а в дальнейшем — к формированию украинской культуры на основе отрицания достижений и преимуществ русского и общероссийского культурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваславский Я. Переосмыслить современную Россию // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 188–189.
2. Водозав. Г. Г. Нравственная политика — утопия или реальная возможность? Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 222–233.

3. Коктыш К. Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255–260.
4. Лошкарёв И. Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70–78.
5. Минеев А. П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 81–98.
6. Пареньков Д. А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53–58.
7. Плохий С. Врата Европы: история Украины. Пер. с англ. С. Лунина. М.: АСТ: Corpus, 2018.
8. Прищепя Е. Трансформации культурного быта горожан Правобережной Украины (вторая половина XIX — начало XX в.) // Другі міжнародні конгреси дослідників Беларусі. Працоўныя матэрыялы. Том 2. 2013. URL: icbs.palityka.org/wp-content/uploads/2013/10/02_10_Prishepa.pdf
9. Пушкарева Н. В., Руднев Д. В. Языковая политика Российской империи в отношении западных окраин // Государственная языковая политика: проблемы информационного и лингвистического обеспечения. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2007. С. 69–91.
10. Украинский вопрос в русской патриотической мысли. Сост., предисл.: Минаков А. Ю. — М.: Книжный мир, 2016.
11. Борисенко В. Й. Борьба демократических сил за народную освіту в Україні 60–90 років XIX ст. Вид. 2-е. К.: Видавництво НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011.
12. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 Т. — К.: Наукова думка, 1990.
13. Клапчук С. М. Историчні аспекти розвитку української культури у другій половині XIX — на початку XX століть // Історія науки і біографістика. 2017. № 2. С. 62–72
14. Крижановська О. О. Освіта й культура українських селян наприкінці XVIII — у першій половині XIX ст. // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. 2011. № 19. С. 243–264.

© Александровский Иван Сергеевич (kutruslin2001@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

